

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Coe)-44
К60

Eoin Colfer
HIGHFIRE

Перевод с английского *Ксении Гусаковой*
Дизайн обложки *Василия Половцева*

К60 **Колфер, Йон.**

Последний дракон: [роман] / Йон Колфер; перевод с английского К. Гусаковой. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 448 с. — (Шедевры магического реализма).

ISBN 978-5-17-114662-7

Было время, когда, паря в небесах, он поливал огнем разъяренные толпы, теперь же он прячется от туристических речных теплоходов и крайне неохотно покидает свое кресло. Это некогда великолепное огнедышащее создание ныне обитает в рыбацкой хижине, где прикуривает «Мальборо» от сыплющихся из носа искр и пьет «Абсолют». Более того, он давно и плотно подсел на «Нетфликс»...

На протяжении веков Виверн, лорд Хайфайр, вселял страх в сердца людей. Теперь его зовут просто Верн. Он выжил, но даже моря алкоголя не могут заглушить тоску в его душе — последний в своем роду, последний дракон. Дни славы Верна давно прошли.

Или нет?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Coe)-445

ISBN 978-5-17-114662-7

Copyright © 2020 Eoin Colfer
© К. Гусакова, перевод на русский язык, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

*Эмили и Джо,
подарившим дракону крылья*

Глава 1

Верн совершенно не доверял людям — вот и всё. Ни одному представителю рода человеческого. За долгую жизнь он знал многих, некоторых даже находил приятными, однако в конце концов все они сдавали его разъяренной толпе. Потому он, от греха подальше, и жил как сыч на болотах Хани-Айленда.

Болота Верна устраивали, насколько его вообще что-либо устраивало за долгие годы одиночества. Черт побери, сколько этих лет прошло. Они убежали вдаль, словно кирпичи дороги, которую положил король Дарий когда-то там, до нашей эры. Забавно, как на пустом месте вспоминаются всякие штуки. Как, например, эта древняя персидская дорога. Не мог вспомнить прошлую неделю, а тут вдруг перенесся на пару тысяч лет назад, ну, или около того. Да половину тех кирпичей Верн во-

обще обжигал лично — когда еще временами брался за черную работенку. Чуть свой двигатель внутреннего сгорания не износил. Сбросил кожу на два сезона раньше из-за этой паршивой работенки. А еще из-за рациона. В те времена о питательности никто и понятия не имел. Теперь уж Верн по большей части соблюдал кето-диету: много жиров, мало углеводов, исключение — его любимые хлопья на завтрак. Учитывая температуру тела дракона, этот рацион подходил ему как нельзя лучше. К несчастью, в нее совсем не входило пиво, и Верну приходилось довольствоваться водкой. Из марок он предпочитал «Абсолют»: многовато спирта, зато легче для организма. И Ваксмен доставлял ее целыми ящиками.

Так что Верн считал болота терпимыми. Место, не то чтобы славное, но и на дворе не то чтобы дни славы. Когда-то он был Виверном, лордом Хайфаэр из Гнезда Хайфаэр — вот и представь, как ково жить с эдаким вычурным, мать его, имечком. А теперь он стал королем хрена лысого из Грязьвилля, штат Луизиана. Но уж ладно, ему доводилось обитать и где похуже. А тут водичка прохладная, да и аллигаторы послушные — ну, по большей части.

«Если я говорю вам, мудилам, плясать, то чтоб мигом, мать вашу, все носы по линии выровняли и синхронное плаванье изобразили», — частенько говаривал Верн, правда, не так многословно. И ведь поистине удивительно, на что способны

самые обыкновенные аллигаторы, если пнуть их в нужном направлении.

Так что Верн коротал деньки у заболоченной протоки, без труда вписываясь в местный колорит и держась подальше от экскурсий, хотя ему, бывало, отчаянно хотелось оттянуться и поджарить пароходик, полный этих радостных кретинов. Однако, поприжми он туристов, потом поприжмут самого Верна, а он явно не дожил бы до своих лет, если б привлекал к себе внимание. Совать собственную голову прямиком под софиты — поведение сущего идиота, по мнению Верна. А его мнение — по его же мнению — единственно верное. В конце концов, насколько ему было известно, он — последний представитель своего вида. И, если сие действительно так, долг перед этим самым видом требовал от него прожить как можно дольше. Вдобавок в данный момент он не страдал суицидальными мыслями. Они его, конечно, посещали часто, однако против них помогали ментальные практики. Но пока отмокаешь в крошечных болотных затоках, времени для медитаций предостаточно.

И все-таки быть последним драконом — дело довольно одинокое. Примерно пятьдесят процентов тоски он мог залить алкоголем, однако постоянно случались такие ночи, когда свет полной луны серебрил гладь реки, и Верн задумывался, не подкатить ли к самке аллигатора. Бог свидетель, да они сами рвались попытать счастья с королем. Пару раз его даже хватило на то, чтобы маленько

побарахтаться с ними в иле — и это вовсе не эвфемизм. Но все-таки он чувствовал, что поступает неправильно. Может, в их ДНК и присутствовало некоторое сходство, однако сколько водки ни глотай, Верн никак не мог допить до мысли, что можно вот так взять и воспользоваться более тупым биологическим видом. Не говоря уже о том, что у аллигаторов нет личности, и вообще они страшные, как жопа койота.

Они холоднокровные. А у него раскаленное нутро.

Все равно ничего не выйдет.

Верн коротал ночи в рыбацкой лачуге на Боар-Айленд, заброшенной где-то с середины прошлого века. Хоть лачуга эта торчала у маленького заболоченного рукава, где ее медленно сжимал кулак мангрового леса, но пока — сойдет, и к тому же Верн неплохо ее обустроил, спасибо генератору и прочим нужным мелочам. Даже раздобыл телик с кучей кабельных каналов и небольшой холодильник, чтобы держать запас «Абсолюта» в прохладе. Поставками из внешнего мира ведал Ваксмен, обитавший выше по байу, так что Верн вполне находил чем заняться в ночные часы.

Самым главным было выживание, а в выживании главное — информация или же полное отсутствие оной. Полный ноль. Никаких кредиток или мобильного телефона. Никаких поездок в Петит-Бато, никакого присутствия онлайн. Верн как-то завел себе страничку в соцсетях. Наклепал фейковую личность по имени Драко Смауг — что сам считал довольно милым, — но потом Фейсбук на-

чал добавлять геолокацию, и какие-то помешанные фанаты «Властелина колец» принялись задавать наводящие вопросы, так что Верн все свернул.

И усвоил урок.

С тех пор он довольствовался реалити-шоу и блужданием по интернету. Там хранились все необходимые Верну сведения, надо было лишь их разыскать.

Но никто не мог разыскать его.

Никогда.

Потому что всякий раз, как люди его находили, перефразируя Максима Децима Меридия, ад разверзался в буквальном смысле этого выражения.

Но Верн-то носил ад в себе, так что вполне выживал.

А вот человек, который его находил — нет.

Когда-то у Пшика был папка.

И в те времена папка говорил всякое, в духе:

«И не смей таскать у меня из кармана доллары, Пшик, не то я шкуру с тебя спущу».

Или:

«Пиво не видал, малой? Ты б там мой «Бад» не прихлебывал, Пшик, а то ж я шкуру с тебя спущу».

Или:

«А чего это ты не в свое дело лезешь, Пшик? Слыхал присказку про кошку, а? Так вот с той кошки шкуру спустили и все такое».

Пшик довольно быстро сообразил, что отцовские высказывания обычно заканчивались спусканием с кого-нибудь шкуры — и чаще всего эта

шкура принадлежала именно Пшику. Он считал, что по большей части и правда виноват сам, ведь ему действительно было сложновато не совать нос в чужие дела.

«Мы живем в свободной стране, — рассуждал он в свою защиту, — а значит чужое дело — мое дело».

Но потом, в тринадцатый день рождения Пшика, папка ушел (видимо, купить своему пацану фигурку Оптимуса Прайма — серьезное же дело), и все его фразочки перестали быть важными. И, если уж на то пошло, папка даже не был настоящим, как бы Пшик ни пытался себя обмануть. Ваксмен, который жил в плавучем доме на реке, говорил, что для настоящего папки Пшика этот мир оказался чуточку слишком, а этот мужик — просто-напросто дармоед, который нарисовался, когда Пшик был еще совсем спиногрызом, а у его святой матушки все шло кувырком. И этот папаша, взятый на замену — не кто иной, как законченный кретин, что постоянно трепал языком, по словам Ваксмена, и сыпал тюремной тарабарщиной, если судить по наколкам, выглядывавшим из-за ворота рубашки, подхваченной в Анголе или в каталажке еще какого штата.

«Вам с Элоди куда лучше без этого никчемного придурка, — говорил Ваксмен Пшику, когда парнишка доставлял ему продукты. — Все, что он способен читать — это этикетки сигаретных пачек. Пользуется добрым сердцем твоей матушки, вот и все».

Зачастую Ваксмен сыпал никчёмной болотной мудростью, но на этот раз угодил не в бровь, а в глаз. Особенно с частью про Элоди.

Сердце у матушки Пшика было и правда доброе — нянчиться часами с народом за два бакса сверх минимальной ставки, а потом возвращаться домой к нему — придурку и хулигану. С термином «хулиган» он познакомился слишком уж близко — его достаточно часто зачитывали из табеля успеваемости или протокола. Иногда Пшик думал, что пора ему уже завязывать с играми в плохого мальчика ради матушки, ведь он так сильно ее любил, что все уроды, которые разбивали ей сердце, приводили его в ярость. Настоящий папаша, который выпилился из жизни и бросил всех тех, кто на него рассчитывал. Потом ненастоящий папка, который высосал сердце Элоди досуха, как вампир, отдавший предпочтение не любви, а крови. Потому Пшик и пытался себя приструнить; правда, ничего не получалось.

Пшик допускал, что скучает по папке, даже и по ненастоящему — но лишь пока эта мысль не покидала пределы его головы.

Даже если этот папка хлестал пиво так, словно оно поддерживало в нем жизнь, а не наоборот. Даже если он вытряхивал из матушкиной кофейной банки всю мелочь и тратил на лотерейные билеты.

Даже если он колотил Пшика всякий раз, как надирался.

Пшик пришел к выводу, что любил папку — по крайней мере, самую малость. Человек не может

не любить родича. Но это, впрочем, не значит, что он не может его и ненавидеть. И когда лже-папка бросил матушку Пшика, Элоди, с пустой кофейной банкой и столькими карточными долгами, что ими можно выложить дорожку до самого Нового Орлеана, Пшик возненавидел своего лже-папку со всей силой лазерного излучения — а для мальчишки, у которого еще даже пушок на подбородке не пробился, это довольно мощно.

И сейчас, два года спустя, Пшик не то чтобы сильно продвинулся в области пушка, но вырос на полфута и старательно выработывал задиристый нрав, благодаря которому за ним уже в пятнадцать пристально следили копы. Был у них констебль по имени Ридженс Хук, которого Элоди однажды отшила в гриль-баре «Жемчужина» при толпе народа. С того самого вечера Хук заимел на Пшика зуб и все без исключения жалобы на парнишку принимал слишком уж близко к сердцу. Пшику казалось, что стоит ему пукнуть, как старик Ридженс тут же постучится в дверь, предлагая «обо всем этом забыть» в обмен на каплю внимания от матушки Пшика.

«Чертов Хук, — думал Пшик. — Не отвалит, пока кого-нибудь не поимеют».

По сути, именно Ридженс Хук пожаловал криминальный псевдоним «Пшик» Пшику, которого при рождении нарекли Эверетт Моро. Как заметил Хук еще в первый привод Пшика в отделение: «Моро — как у того доктора с островом уродцев, а, пацан? Ну так ты не док, а уродец».

Эпизод с кличкой случился еще во времена, когда Пшиков лже-папка квартировал в лачуге семьи Моро. Юный Эверетт как-то ночью выбрался на озеро, задумав повзрывать сомов динамитной шашкой, купленной у школьника, у папки которого был сейф. В ходе эксперимента ни одного сома не пострадало, ведь Эверетт сумел снести только мизинец левой руки себе и корму каноэ, которое одолжил для дела. Когда подлатанного мальчишку, зачем-то по всей строгости скованного наручниками, привели в отделение, там его уже дожидался Ридженс Хук.

«Говорят, у тебя там вышел не то чтобы взрыв, — заметил он. — Скорее мокрый пшик».

Ну и все.

Та ночь оставила Эверетта Моро с девятью пальцами и кличкой. Так что, когда настал час Ридженсу Хуку по-настоящему невзлюбить его за унижение, они уже были знакомы. Ну, и Пшика не так уж сложно узнать с руками за головой.

Узрите, Пшик Моро в пятнадцать: растущий, как сорная трава на болотах, воспитанный улицей, темноглазый сорванец каджунских кровей, с матушкой на грани отчаяния, с отсутствием будущего, если он, конечно, не хотел мутить креозот или таскать кирпичи в Слайделле. Полно мечтаний, мало планов. По большей части Пшик изо всех сил старался придерживаться верного пути, но этот путь, казалось, совсем не помогает оплачивать

счета, даже несмотря на его собственные три работы и матушкины смены в клинике Пети-Бато и Слайделл Мемориал.

Однако перемены были уже не за горами, ведь Пшику предоставилась неожиданная возможность. Этим летним вечером, под кровососущей пеленой комарья над болотным мраком и дозором из кипарисов на берегах Хани-Айленда, Пшик заключит сделку, и тогда они с матушкой смогут немного освободиться от внимания Ридженса Хука, который в ухаживаниях за Элоди Моро только наращивал обороты. Не проходило, казалось, и дня, чтобы он не заявился к двери Моро с очередным дерьмовым предложением, за каким чертом его занесло по разбитой дороге в самую ее задницу:

«Жалоба на шум».

«Прогул занятий».

«Нарушение общественного порядка».

Господи, да хоть переход улицы в непопозволенном месте — Хук бы и это откопал. Всегда с бутылкой игристого вина, облепленной хладоэлементами в сумке-холодильнике своего «шевроле». Блэш. Матушкино любимое. И лишь вопрос времени, когда Ридженс наконец шагнет на порог, а там единственной преградой останется москитная сетка. А стремительный галоп такого человека, как Хук, москитной сеткой не остановить. Пшик знал, что матушка так и не прониклась симпатией к констеблю; однако ночи на болотах долгие, а пока Ридженс Хук метил всю территорию, остальные псы держались подальше.

«Ридженс мог бы нас обеспечить, дорогой, — одним вечером сказала Пшику Элоди, едва живая после длинной смены в клинике. — И мог бы тебя приструнить. Господь свидетель, я-то не могу».

Пшик понимал, что матушка, должно быть, смертельно устала и совсем уж упала духом — может, ухаживала за любимым пациентом в его последние часы на этой земле, — чтобы вообще заговорить о том, что Хук для нее вариант. Пшик понимал, что единственной причиной, по которой Элоди Моро способна впустить на порог столь первосортного мудака, было остановить его, Пшика, криминальный галоп, а потому чувствовал ответственность. Иногда Пшику снилось, как Ридженс Хук обнимал его матушку, с поцелуями и прочим, и тогда он просыпался в холодном поту, не имеющем никакого отношения к болотной духоте.

Так что Пшик в сотый, наверное, раз поклялся взяться за ум: поклялся со всем пылом и, надо отдать ему должное, в то время считал свои слова сущей правдой. Однако в силу возраста был склонен ошибаться. И спустя всего лишь неделю Пшик вернулся к прогулам.

«Просто я вот такой, — осознал он. — Мне никогда не измениться».

Потому, когда школу распустили на каникулы, Пшик поговорил с Уиллардом Карнаханом на парковке бара «Жемчужина». Карнахан был, наверное, единственным человеком в Луизиане, знающим болота лучше самого Пшика, так что мальчишка предложил самогонщику свои две руки и крепкую

спину. Ответом стал испытательный срок, и этой ночью начиналось Пшиково обучение ремеслу.

«На лето — и все, — сказал он себе. — Самогонку или сигареты — и все. Ну, запчасти. Но никакой наркоты, никаких людей и всего такого. Заработаю так, чтобы от долгов избавиться и, может, взять жилье в городе. Подальше от Хука и славы лжепапки».

И вот Пшик прокрался на болота, не потрудившись поделиться этой новостью с Элоди; матушка была на смене в клинике и приковала бы его к батарее, если б узнала, с кем он связался.

Пшик опустил фанерную пирогу собственного изготовления на воду практически у самой лачуги Моро, но решил не заводить длиннохвостый двигатель, привинченный к корме. «Сегодня все изменится», — думал Пшик, работая веслами в полном ила затоне и держась поближе к границе камыша.

«На мне черная футболка, ну и на всякий есть с собой пачка джерки, — думал девятипалый мальчик. — Все будет пучком».

Ридженс Хук был, вне сомнений, личностью колоритной. Едва ли нашлось бы преступление, к которому он так или иначе не приложил руку, либо не закрыл на него глаза. Можно смело сказать, нынешнее свое место он занял отнюдь не потому, что регулярно ходил в церковь и пек печеньки для